

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

МЕТРО
“СВОБОДА”

Сергей Патрушев

Метро "Свобода"

<https://litres.ru/74617967>

SelfPub; 2026

Аннотация

Философская притча о выживании в постапокалиптическом метро, где физические законы уступают место законам этики. Главный герой, инженер Игорь, пытается сохранить человечность, конструируя систему выживания, но сталкивается с неизбежной энтропией души.

Роман исследует границы свободы: является ли она отсутствием стен или способностью самому выбирать правила? Проходя через предательство и тоталитаризм бункеров, герои понимают, что истинный «Эдем» — это не место, а право оставаться константой в мире переменных, сохраняя любовь как единственный неисчерпаемый ресурс.

Содержание

Глава 1. День, когда небо упало	4
Глава 2. Первый вдох под землей	18
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Патрушев

Метро "Свобода"

Глава 1. День, когда небо упало

Смерть не приходит с фанфарами. Она не стучится в дверь и не присылает вежливых писем с уведомлением о дате и времени. В Москве двадцать шестого года она пришла с запахом озона и приторно-сладким, химическим ароматом сгоревшего тротила, который оседает на языке за секунду до того, как барабанные перепонки лопаются от ударной волны.

Для Игоря утро началось с тишины. Не с благодной, утренней тишины, а с той глухой, ватной пустоты, которая образуется в голове после трех суток без сна над чертежами новой системы охлаждения для дата-центра в Сколково. Он сидел на краю кровати в своей съемной однушке в Бибирево, механически жевал холодный кусок вчерашней пиццы и смотрел в окно. За стеклом моросил мелкий, серый сентябрьский дождь. Дворники лениво размазывали грязь по стеклу, внизу сигнализала застрявшая в пробке скорая. Обычный вторник. Обычный, душный, бессмысленный вторник.

Его инженерный мозг, привыкший раскладывать хаос на простые числа и логические цепочки, зафиксировал первую аномалию ровно в четырнадцать часов двенадцать минут.

Сирена.

Она не взывала постепенно, набирая обороты, как на учебных тревогах его детства. Она просто включилась. На полной, оглушающей, пробирающей до костного мозга мощно-сти. Низкий, утробный гул, от которого завибрировали стекла в старых рамах.

Игорь замер с куском пиццы в руке. В современных системах гражданской обороны, которые он помогал проектировать для закрытых объектов, сирены были умными. Они модулировали частоту, чтобы не вызывать мгновенной паники, а направлять потоки людей. Эта же была первобытной. Это был звук чистого, дистиллированного ужаса.

Он схватил телефон. Сети лежали. Индикатор связи показывал пустоту. Интернет тоже исчез, оставив вместо себя лишь вращающееся колесо загрузки. Игорь подошел к окну, отодвинул штору. Двор был пуст. Машины в пробке стояли с открытыми дверями — водители выскочили и смотрели вверх.

А потом горизонт на севере вспыхнул. Это не было похоже на молнию. Молния — это изящная, ветвящаяся линия. То, что увидел Игорь, было геометрически правильным, ослепительно белым расширяющимся диском. Солнце, решившее родиться заново прямо посреди жилого массива Отрадное. Свет резанул по глазам даже сквозь грязное стекло и плотную штору. Игорь зажмурился, отвернулся, но белое пятно продолжало гореть на его внутренней стороне век.

— Твою мать, — выдохнул он.

Слово прозвучало жалко и тихо. Инженерный ум отказывался принимать мистику, отказывался принимать чудо. Он искал физику. Температура, давление, спектр излучения. Но физика не могла объяснить, почему бетонная плита балкона за его спиной вдруг стала невыносимо горячей, хотя окно было закрыто.

Второй взрыв прогремел на востоке, в районе Измайлово. Третий — на юге. Город, огромный, пульсирующий муравейник, накрывало сеткой из термоядерных грибов. Игорь не видел самих грибов — мешали дома. Он видел только последствия. Небо, секунду назад бывшее свинцовым, вдруг стало багровым, словно кто-то плеснул в атмосферу расплавленного железа.

А затем пришел звук. Ударные волны, преодолевая расстояния, слились в один сплошной, давящий на темя грохот. Вибрация прошла по полу, ударила в пятки, поднялась по позвоночнику. С полки посыпались книги. В ванной со звоном лопнуло зеркало.

Игорь действовал на чистом адреналине и мышечной памяти. Он не думал о семье — родители давно умерли, а девушка ушла месяц назад, назвав его «функциональным импотентом, женатым на своих кулерах». Он не думал о спасении человечества. Он думал о плотности потока. «Пятьдесят тысяч человек на квадратный километр, — пронеслось в голове. — Входы в метрополитен рассчитаны на пропуск-

ную способность в условиях пиковой нагрузки. При панике коэффициент падает до нуля. Узкое горлышко. Смертельная ловушка».

Он бросился в коридор, схватил с вешалки старый туристический рюкзак, который не распаковывал со времен института. Фонарик, мультитул, две бутылки воды, аптечка. Стандартный набор городского параноика, над которым всегда смеялись соседи.

За входной дверью уже стоял рев. Рев тысяч глоток. Люди, еще минуту назад спорившие в интернете о политике, теперь бежали по лестницам, сбивая друг друга с ног, топча упавших. Инстинкт стаи, помноженный на животный страх.

Игорь вышел на площадку. Соседка с пятого этажа, полная женщина в бигудях, пыталась тащить по лестнице огромный телевизор. — Игорь! — закричала она. — Помоги! Там внизу давка, я не пройду!

Он посмотрел на ее лицо, белое от штукатурки, осыпавшейся с потолка. Посмотрел на телевизор. Посмотрел на лестничный пролет, который уже заполнялся людьми сверху. Если он поможет ей, они оба умрут через три минуты, раздавленные напором тел. — Бросай, — хрипло сказал он. — Бросай и беги за мной.

Она не послушалась. Она вцепилась в коробку мертвой хваткой. Игорь не стал ее уговаривать. Он развернулся и побежал вниз, перепрыгивая через ступеньки. Он ввинчивался в поток, используя плечи как клин, не извиняясь, когда его

локти врезались в чужие ребра. На площадке между вторым и первым этажом кто-то попытался схватить его за рюкзак. Игорь коротко, без замаха ударил кулаком в кадык. Человек захрипел и осел. Игорь переступил через него. В этот момент он перестал быть человеком. Он стал переменной в уравнении выживания.

Улица встретила его жаром. Асфальт плавился. Машины горели, взрывая бензобаки. В воздухе висел черный, жирный снег — это падала сажа от сгоревшего пластика и человеческой плоти. Вход на станцию «Бибирево» превратился в ад. Тысячи людей давили на стеклянные двери вестибюля. Стекло уже пошло трещинами, похожими на паутину. Милиции не было — форма мелькала где-то вдалеке, но порядок пал. Прав тот, у кого шире плечи и острее локти.

Игорь даже не стал приближаться к этому месиву. Он знал: любая попытка войти в толпу с краю закончится тем, что его просто выдавят на проезжую часть, под колеса обезумевших водителей. Он задрал голову. Старый, еще советской застройки, двор. Газовая будка. Тепловой пункт. Он побежал к детской площадке. Горка, песочница, трансформаторная будка из серого бетона. Вокруг нее уже суетились люди, пытаясь сорвать замок с люка теплотрассы. Замок не поддавался.

Игорь подошел сзади. Он не стал кричать или толкаться. Он достал из рюкзака тяжелый гаечный ключ, примерился и ударил точно в дужку замка, в место сварки. Раздался сухой

металлический щелчок. — Отойди, — бросил он мужику с монтировкой.

Он сорвал замок, отбросил его в сторону и поднял чугунную крышку. Из черного провала пахло сырым бетоном, плесенью и канализацией. Запах жизни. — Лезь, — сказал он. — Быстро. Люди, забыв про гордость, полезли в черную дыру, как крысы. Игорь пропустил вперед троих, оглянувшись на станцию. Стекло вестибюля наконец лопнуло. Раздался звук, похожий на вздох гигантского чудовища, а затем — сплошной, хрустящий крик. Толпа хлынула внутрь, перемалывая тех, кто стоял у дверей.

Игорь спрыгнул в люк. Внизу было по колено теплой, вонючей воды. Фонарик выхватывал из темноты бетонные своды, кабели в свинцовой оплетке и спины бегущих людей. — Куда?! — крикнул кто-то. — Там тупик! — Там коллектор! — рывкнул Игорь, перекрывая шум. — За мной, если жить хотите!

Он знал эти схемы. Он сам чертил их обновления. Центральный тепловой пункт этого района соединялся со старой веткой правительственного метро, законсервированной еще в восьмидесятые. Если пройти по трубе триста метров на северо-восток, будет гермоворот. Он повел людей сквозь темноту, оскальзываясь на слизи. Позади кто-то истерически рыдал. Впереди кто-то молился. Игорь просто считал шаги. Двести пятьдесят. Двести семьдесят. Луч фонаря уперся в ржавый металл. — Здесь, — выдохнул он.

Дверь была старой, массивной, с огромным штурвалом запорного механизма. Люди бросились к ней, начали крутить. Штурвал не поддавался — подшипники закисло от времени. — Всем назад! — скомандовал Игорь. — Давление в трубе! Если откроем резко, нас затопит кипятком! По одному, медленно!

Он навалился на холодный металл всем своим весом. Мышцы вздулись, в глазах потемнело от натуги. Раздался скрежет. Еще один поворот. Щель стала шире. Игорь протиснулся первым. За дверью оказалась бетонная лестница, ведущая еще глубже, вниз. Здесь не пахло канализацией. Здесь пахло озоном, пылью и старым машинным маслом. Он поднялся на площадку. Справа была еще одна дверь. Маленькая, обитая дерматином, совершенно неуместная в этом бункере. На ней висела медная табличка. Игорь провел по ней рукой, стирая сажу. «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД. СВОБОДА». Слово «Свобода» выглядело здесь как издевательство. Как черный юмор архитектора, умершего тридцать лет назад.

Игорь толкнул дверь. Она поддалась. За ней был гул. Низкий, механический, успокаивающий гул работающих фильтровентиляционных установок. Он шагнул внутрь и замер. Огромный зал. Платформа. Рельсы, уходящие в темноту. И люди. Десятки, сотни людей в синих комбинезонах, которые не бегали и не кричали. Они стояли ровными рядами, глядя на большие круглые часы над тоннелем. Это был не бункер для гражданских. Это был полноценный узел глубокого за-

ложения.

— Закрывай, — сказал голос за спиной. Игорь обернулся. Седой мужчина в форме полковника РВСН, спокойный, как на плацу, смотрел на открытую дверь. — Закрывай, идиот, — повторил полковник. — Сейчас ударная волна по коммуникациям пойдет. Выжжет нам все легкие.

Игорь навалился на тяжелую створку. С той стороны в щель пытались пролезть люди из теплотрассы, царапая бетон ногтями. — Закрывай! — рывкнул полковник. Игорь крутанул внутренний штурвал. Зубья вошли в пазы. Раздался оглушительный лязг. Герметичность. Тишина. Внешний мир перестал существовать.

Для Сони утро началось с крови. Не с той, что показывают в кино — яркой, театральной. А с густой, темной венозной крови, которая хлюпала под ее кроссовками на кафельном полу приемного покоя клиники на «Китай-городе». Соня была терапевтом. Хорошим терапевтом. Она умела слушать людей, находить нужные слова, выписывать правильные рецепты. Но последние три года система выжала из нее все соки. Она приходила домой и падала лицом в подушку, не имея сил даже снять халат. Сегодня она задержалась на смене. Очередной грипп, очередные скандальные бабки, очередная жалоба в департамент.

Сирена застала ее в ординаторской, когда она пыталась заполнить электронную карту. Звук был таким, что задрожала

настольная лампа. Соня вскочила. В коридоре уже кричала старшая медсестра. — Всем вниз! В подвал! Это учебная, учебная, вашу мать, не паникуйте!

Но это не было учебной. Когда Соня выбежала на лестницу, ведущую в служебные помещения, здание клиники трянуло так, что с потолка посыпалась штукатурка. Окна на первом этаже со звоном вылетели, осыпав осколками каталку с пациентом. — Соня! — закричал охранник. — В метро! Там сейчас передают всех!

Она не думала. Она просто бежала. Белый халат мешал, путался в ногах. Она сорвала его на бегу, оставшись в одной медицинской форме. Улица была заполнена черным дымом. С севера, со стороны Лубянки, поднимался столб. Не грибовидный, а именно столб — идеально ровный, уходящий в стратосферу. Соня побежала к стеклянному куполу станции.

И совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Она побежала не к дальнему вестибюлю, где было чуть свободнее, а к центральному, куда стекались ручьи людей со всех прилегающих улиц. Она влилась в этот поток. Сначала это было просто быстро. Потом — тесно. Потом Соня поняла, что ее ноги не касаются земли. Толпа несла ее сама. Это была гидродинамика паники. Миллионы литров человеческой массы, движущейся под давлением. Ее прижали к стеклянной стене вестибюля. Стекло было ледяным. Впереди, у эскалаторов, возникла пробка. Люди падали.

Соня почувствовала, как трещат ее ребра. Выдохнуть бы-

ло невозможно — грудную клетку сдавило так, что воздух остался где-то наверху. Она открыла рот, пытаясь закричать, но из горла вырвался только сиплый хрип. Перед глазами поплыло. Она видела только ноги. Десятки ног в дорогих ботинках и дешевых кроссовках, которые переступали через тех, кто упал. Кто-то наступил ей на кисть. Хруст костей потонул в общем реве. «Вот так, — отстраненно подумала Соня. — Терапевт. Спасала жизни. Смерть в давке на входе в метро. Какая пошлая ирония».

Она начала оседать. Ноги подогнулись. Толпа, не замечая потери одной единицы, продолжала переть вперед, перемалывая ее о гранитный пол. В этот момент мир для нее сузился до одной точки — боли в сломанных ребрах и нехватки кислорода.

А потом давление вдруг исчезло. Ее не просто перестали давить. Ее подхватили. Сильные, жесткие руки, пахнущие металлом и гарью, вырвали ее из потока, как пробку из бутылки. Ее швырнули назад, прижали спиной к чему-то твердому и горячему. — Дыши! — проревел голос прямо над ухом. — Дыши, дура, пока легкие целы!

Соня втянула воздух. Это был самый болезненный вдох в ее жизни. Легкие обожгло, в боку взорвалась сверхновая. Она закашлялась, выплевывая сгустки крови. Она открыла глаза. Над ней нависало лицо. Грязное, закопченное, с расщеченной бровью. Глаза были светлые, совершенно безумные, но в них не было паники. Только холодный, расчетливый фо-

кус. — Идти можешь? — спросил мужчина.

Соня попыталась кивнуть. Ноги не слушались. Мужчина — он был в одной футболке, несмотря на уличный холод, и его плечи казались неестественно широкими — подхватил ее на руки. Он не бежал. Он шел быстрым, размашистым шагом, используя свой вес как таран. Люди сами расступались перед ним, инстинктивно понимая, что этот человек не остановится, даже если ему придется идти по их головам.

Он внес ее в боковой, технический спуск. Тот самый, куда обычные пассажиры никогда не заходят. Здесь было темно, горела только тусклая аварийная лампочка. — Кто вы? — прошептала Соня, прижимаясь к его груди. Сердце под ее ухом билось ровно и мощно, как дизель-генератор. — Никто, — бросил он. — Держись за шею.

Они спустились по лестнице. Внизу была еще одна дверь. Массивная, стальная. Мужчина ногой выбил замок — Соня даже не поняла, как он это сделал, раздался звук, будто разорвали лист бумаги. За дверью был тоннель. Настоящий, действующий тоннель метро, но без рельсов. Широкая бетонная кишка, освещенная редкими красными фонарями. — Куда мы? — выдохнула она. — Вниз, — ответил он. — Глубоко. Там фильтры. Там воздух.

Они шли долго. Соня потеряла счет времени. Боль в ребрах пульсировала в такт шагам. Она то проваливалась в забытие, то выныривала, чувствуя, как его ключица больно впивается ей в грудную клетку. В какой-то момент он оста-

новился. — Приехали, — сказал он и аккуратно, почти бережно, поставил ее на ноги.

Соня прислонилась к стене. Туннель здесь заканчивался. Вернее, он упирался в огромную, идеально круглую дверь. Настоящий гермозатвор. Таких она не видела даже в сериалах про войну. Над дверью горела неоновая лампа. Соня подняла голову, сфокусировала взгляд на надписи. Буквы были старыми, литыми, из потускневшего металла. «Свобода».

— Какая же это свобода... — прошептала она. — Это могила. — Это начало, — возразил мужчина. Он подошел к массивному штурвалу в центре двери. — Как тебя зовут? — Соня. А вы... вы врач? Вы так ловко меня вытащили. Он усмехнулся. Улыбка на его грязном лице выглядела жутко. — Инженер. Специализация — замкнутые системы жизнеобеспечения.

Он навалился на штурвал. Металл закрипел. В этот момент далеко наверху, за сотнями метров бетона и земли, раздался звук, который нельзя спутать ни с чем. Звук, от которого стынет кровь даже в самом защищенном бункере. Сплошной, вибрирующий, утробный вой. Вой тысячи атмосфер, сталкивающихся друг с другом. Ударная волна от серии взрывов дошла до центра города и ударила в землю.

Земля под ногами Сони дрогнула. С потолка тоннеля посыпалась пыль, а затем — мелкие камешки. — Держись! — крикнул инженер. Он всем весом крутанул штурвал. Раздался финальный, оглушительный удар стали о сталь. Герметич-

ный контур замкнулся. В ту же секунду за дверью, там, где остался их мир, вспыхнуло. Свет не проник сквозь много-тонную сталь, но Соня почувствовала его. Она почувствовала, как наверху испаряются реки, плавится гранит, а воздух превращается в плазму.

В наступившей абсолютной, могильной тишине было слышно только, как гудят за стеной вентиляторы, нагнетая в их новый мир очищенный, мертвый воздух. Игорь тяжело дышал, опираясь руками о штурвал. Его футболка на спине потемнела от Сониной крови. Он повернулся к ней. — Поздравляю, — хрипло сказал он. — Мы официально мертвы для того мира.

Соня сползла по стене на пол. Она посмотрела на свои руки — они были сбиты в кровь. Посмотрела на свои ноги — одна штанина висела лохмотьями, колено распухло на глазах. — Вы спасли мне жизнь, — сказала она. — Я просто не люблю, когда на моих глазах давят полезный биоматериал, — ответил Игорь. Он достал из рюкзака фонарик и аптечку. — У тебя, кажется, закрытый пневмоторакс. Если через полчаса не станет легче, придется колоть межреберную.

Он говорил о ее смерти так же буднично, как пять минут назад говорил о давлении в трубах. Соня закрыла глаза. Внутри бункера, под табличкой «Свобода», плакать было не о чем. Слезы просто не текли. Внутри была только звенящая пустота. — Как вас зовут? — спросила она, не открывая глаз. — Игорь. — Игорь, — повторила она, пробуя имя на вкус.

— Что теперь?

Игорь молчал несколько секунд. Луч его фонарика обшаривал массивные заклепки на двери. — Теперь мы будем жить, — сказал он. — Долго. И для начала нам нужно понять, сколько кислорода в этой банке и не потечет ли реактор. Добро пожаловать в вечность, доктор.

Где-то в глубине бункера, за чередой коридоров, гулко ударил колокол. Механический, отбивающий часы. Первый час первого дня их новой жизни. А снаружи, над тоннами выжженной земли, медленно оседал радиоактивный пепел, навсегда отрезая их от солнца.

Глава 2. Первый вдох под землей

Тишина, наступившая после удара гермозатвора, оказалась тяжелее любого взрыва. Она не была пустой. Она была плотной, осязаемой, набитой под завязку чужим дыханием, стонами, плачем детей и монотонным, сводящим с ума гулом вентиляционных шахт. Соня открыла глаза.

Игорь все еще стоял у штурвала, тяжело опираясь на него обеими руками. Его спина закрывала почти весь обзор, но даже через его плечо Соня видела, что платформа станции «Свобода» не пуста.

Это был не парадный вестибюль центральных станций, отделанный мрамором и гранитом. «Свобода» пахла бетоном, озоном и застарелой сыростью. Бывший технический пересадочный узел глубокого заложения, построенный в семидесятых как резервный командный пункт. Вместо изящных колонн — массивные, квадратные бетонные пилоны, покрытые темно-зеленой масляной краской, которая теперь пузырилась от влажности. Пути здесь не было — только ровный бетонный пол, уходящий в темноту двух тоннелей.

Свет давали только аварийные красные плафоны, расположенные через каждые двадцать метров, и лучи десятков налобных и ручных фонарей. В их дрожащем, нервном свете толпа выглядела как сюрреалистическая картина Босха.

Люди сидели на корточках, лежали прямо на бетоне, при-

валившись к пилонам. Кто-то пытался разжечь костер из обломков пластиковой скамейки, но едкий дым тут же заполнял объем станции, заставляя всех заходиться в кашле. Женщина в дорогом офисном костюме, прижимавшая к груди мертвого мопса, раскачивалась взад-вперед и монотонно повторяла: «Пятница, отчет, квартальный, пятница». Рядом с ней мужчина в форме машиниста пытался дозвониться до диспетчера по кнопке связи на путевой стене. — Центр! Центр! Ответьте! — кричал он в решетку. — У нас разгерметизация на «Свободе»! Повторяю, разгер... Игорь подошел к нему сзади, коротким, точным движением вырвал трубку из гнезда и бросил на пол. — Бесполезно, — бросил он, даже не посмотрев на машиниста. — Питание отрезано вместе с городом.

Он вернулся к Соне. — Ноги чувствуешь? Соня попыталась пошевелить ступнями. Боль в колене была острой, режущей, но пальцы двигались. — Чувствую. — Хорошо. Если бы перебило артерию, ты бы уже остывала. Он присел на корточки, достал из рюкзака нож. Лезвие со щелчком разложилось. — Что вы делаете? — Соня попыталась отодвинуться, но уперлась спиной в холодный пилон. — Режу штанину. Не люблю работать вслепую.

Он действовал быстро и профессионально. Ткань разошлась под лезвием. Игорь осмотрел колено. Сустав распух, посинел, но кости, на первый взгляд, были целы. — Вывих, — констатировал он. — И сильный ушиб. — Вы врач? —

Я инженер, — повторил он, доставая из бокового кармана рюкзака эластичный бинт. — Но в армии бинтовал и не такое. Держи ногу прямо. Он наложил повязку туго, но умело, фиксируя сустав. Соня закусил губу, чтобы не вскрикнуть. — Спасибо, — выдохнула она, когда он закончил. — Не благодари. Ты — легкие. Я — руки. Нам нужно продержаться до утра.

Игорь поднялся. Его взгляд изменился. Если наверху, во время бега, это был взгляд хищника, то теперь это был взгляд аудитора. Он медленно поворачивал голову, сканируя пространство станции, словно считывал невидимые цифры, висящие в воздухе.

Соня проследила за его взглядом. Люди. Их было сотни три, может, четыре. И их становилось больше — из боковых ходков и кабельных коллекторов постоянно выходили новые группы, грязные, окровавленные, тащащие на себе раненых. Воздух. Система вентиляции работала на рециркуляции. Игорь был прав насчет фильтров, но фильтры не создают кислород. Они только чистят то, что есть. Каждый выдох этих сотен людей насыщал станцию углекислым газом. Вода. Игорь перехватил за лямку свой рюкзак. Две бутылки. У Сони в карманах формы — ничего. У большинства вокруг — ничего. Еда. Ноль.

— Эй, ты! К ним подошел человек в черной тактической куртке. Короткая стрижка, тяжелый, немигающий взгляд. За спиной у него висел укороченный автомат, который он при-

держивал за цевье. — Рюкзак сюда, — сказал он. — И аптечку. Распределение ресурсов.

Игорь даже не повернул головы. Он продолжал смотреть на толпу. — Распределение ресурсов начинается с периметра, — ровным голосом ответил он. — У эскалаторов давка. Если кто-то упадет на рельсовую дорожку для тележек, начнется паника. Вы перекрыли северный выход кабельного коллектора коробками. При задымлении оттуда никто не выйдет. Мужчина в куртке нахмурился. — Ты кто такой, умник? — Тот, кто проектировал эту станцию, — Игорь наконец посмотрел на него. Его глаза были светлыми, почти прозрачными, и в них не было страха. — А вот ты, судя по хватке автомата — бывший инкассатор или охранник супермаркета. Ты не военный. Военный бы сначала проверил гермодвери на смежных ветках. Они открыты. Если там радиация, мы все сдохнем от пыли через шесть часов.

Мужчина побагровел. Его рука легла на цевье. — Ты дохера разговорчивый. — А ты дохера мертвый, если не закроешь переборки, — отрезал Игорь. — Мне нужен доступ к щиту управления. Нижний ярус, за туалетами. Там ручное дублирование.

Из тени пилона выступила еще одна фигура. Этот человек двигался иначе — плавно, бесшумно. На нем не было тактической мишуры, только потертый армейский бушлат без знаков различия и берцы. Лицо было спокойным, но шрам, пересекающий левую бровь, делал его похожим на хищную

птицу. — Тихо, Хмурый, — сказал человек со шрамом. — Он дело говорит. Хмурый нехотя отступил, но бросил на Игоря полный ненависти взгляд. — Меня зовут Майор, — представился человек со шрамом, хотя на его плечах не было погон. — Это моя группа. Мы спустились первыми, когда только завывли сирены. — Игорь. — Соня. Майор перевел взгляд на Соню. — Медик? — Терапевт. — Значит, медик, — кивнул Майор. — У нас в северном тоннеле, в дренажной камере, человек двадцать. Обожженные. Железо с потолка падало, когда они лезли. Ожоги третьей степени.

Соня сглотнула. Ожоги третьей степени без морфия, без антисептиков, на грязном бетоне. Это гарантированная смерть от болевого шока или сепсиса в течение суток. — Я посмотрю, — сказала она, пытаясь встать. Колено отозвалось тупой болью. — Хмурый, проводи, — скомандовал Майор. — Еще чего, — огрызнулся Хмурый. — У меня периметр. Пусть этот... инженер... идет. Он у нас теперь главный по дверям.

Игорь посмотрел на Майора. — Я пойду к щиту. Если вентиляция встанет, ваши ожоговые умрут первыми от перегрева и CO₂. Соня пойдет с вами. Но мне нужен свет. У меня в рюкзаке один фонарь. Майор снял с пояса тактический фонарь и бросил его Игорю. — Держи. Докладывай каждые полчаса по внутренней связи. Точка — рубка связи у северного портала.

Игорь растворился в толпе. Его фигура, несмотря на вы-

сокий рост, двигалась так, что люди сами расступались перед ним. Он не просил, он просто шел, и физика толпы подчинялась его вектору.

Майор повел Соню в северный тоннель. Идти пришлось недолго. Дренажная камера представляла собой бетонный короб, куда сходились трубы ливневой канализации. Сейчас здесь было тесно, как в трамвае. Запах ударил в нос первым. Сладковатый, тошнотворный запах сгоревшей плоти, смешанный с вонью застарелой канализации.

Соня достала из кармана формы одноразовые перчатки, которые машинально сунула туда перед сменой. Они были мятные, с запахом лаванды — какой-то идиот из снабжения закупил их для «повышения лояльности персонала». Сейчас этот запах казался насмешкой над концом света. — Светите сюда, — скомандовала она Майору.

Первый пациент. Мужчина лет пятидесяти. Спина представляла собой один сплошной багрово-черный струп. Кожа лопнула. — Пить... — просипел он. — Нельзя, — Соня проверила пульс. Нитевидный. — У вас пробито легкое. Если дать воду, захлебнетесь. Она перешла к следующему. Девушка, почти подросток. Лицо чистое, но руки... Руки сгорели до мяса, до обнажившихся сухожилий. — Как тебя зовут? — Лена... — Лена, смотри на меня. Дыши со мной. Вдох... выдох...

У нее не было ничего. Ни обезболивающего, ни даже чистой воды, чтобы промыть раны. В рюкзаках у военных ока-

зались только армейские сухие пайки, бутылки с минералкой и водка. Соня взяла водку. — Будет больно, — предупредила она Лену. — Очень больно. Но если не сделать это, ты умрешь от заражения крови. Она открыла бутылку. Девушка зажмурилась. Соня лила ледяную жидкость прямо на обнаженное мясо. Лена закричала так, что, казалось, дрогнули своды тоннеля. Она выгибалась, пытаясь вырваться, но Майор и еще один боец крепко держали ее за плечи. — Терпи, девочка, терпи, — шептала Соня, срезая ножницами клочья сгоревшей одежды. — Дыши.

Она работала два часа. Время потеряло смысл. Она превратилась в автомат. Найти пульс. Остановить кровотечение (там, где оно было артериальным — жгут из ремня). Обеззаразить водкой. Перевязать. Следующий. Медикаменты закончились через сорок минут. Она перешла на чистые куски своей собственной формы, разрывая штанины.

Когда она закончила, в камере осталось двенадцать человек. Восемь она проводила в лучший мир, просто накрыв им лица своими куртками, потому что у нее не было сил смотреть в их стекленеющие глаза. Соня вышла в тоннель и села прямо на шпалы. Ее трясло. Руки, несмотря на перчатки, были в волдырях от ожогов и липкие от чужой крови. Желудок сводило спазмом, но во рту было сухо.

— На, — Майор протянул ей флягу. — Глотни. Соня сделала жадный глоток и тут же пожалела. Дешевая водка обожгла пищевод. Она закашлялась. — Выживут? — спросил

Майор. — Трое, — хрипло ответила Соня. — Если не начнется гангрена. У вас есть антибиотики? Пенициллин? Хоть что-нибудь? Майор покачал головой. — В аптечках только жгуты и ИПП. Мы не госпиталь. Мы — заградотряд.

— Где Игорь? — На нижнем ярусе. Говорит, нашел щит. Гонит воду в технические баки.

Игорь в это время действительно был на нижнем ярусе. «Свобода» оказалась куда сложнее, чем он помнил по чертежам. За годы автономного существования станция обросла наростами из человеческой нужды. В служебных помещениях, где должны были стоять пульта связи, теперь были нары из досок. В комнате отдыха персонала — склад консервов, явно вынесенный с какого-то продуктового.

Игорь спустился по ржавой лестнице в кабельный коллектор. Здесь было сыро и пахло озоном сильнее. Гул вентиляции здесь превращался в настоящий рев. Щит управления находился за массивной стальной переборкой. Игорь сорвал пломбу — пломба висела для виду, замок был сбит кувалдой еще лет десять назад. Внутри пахло озоном и озоном. Высоковольтное оборудование гудело.

Игорь надел резиновые перчатки, висевшие на гвозде, и подошел к панели. Тумблеры. Реле. Амперметры. Система жизнеобеспечения станции была рассчитана на автономность в течение тридцати суток для роты солдат. Сейчас здесь было около пятисот гражданских. Математика была простой и безжалостной.

Он включил резервный насос. Где-то внизу, под многотонным слоем бетона, в дренажных резервуарах, куда стекала грунтовая вода, загудело. Игорь открыл вентиль. Вода пошла по трубам вверх, в баки-накопители, расположенные под потолком платформы. — Хоть мыться будет чем, — пробормотал он.

Он перешел к пульту вентиляции. Красная лампа мигала над надписью «Фильтры ФП-300. Ресурс 15%». Пятнадцать процентов. Это означало, что угольные кассеты, способные задерживать радиоактивную пыль, забиты. Еще пара часов работы на полной мощности, и пыль пойдет в общий контур. Игорь переключил режим. Теперь вентиляция работала на тридцать процентов мощности. Воздух на станции стал ощутимо тяжелее, но лампы «Радиационный контроль» на стенах пока молчали.

Он посмотрел на расходомер воды. Баки наполнялись медленно. Слишком медленно. Игорь вышел из щитовой и пошел вдоль труб. Он шел, касаясь металла ладонью. Вибрация. Звук. В тупиковом ответвлении, за гермодверью с надписью «Не входить. Опасно для жизни», он нашел источник. Труба была разорвана. Не взрывом — коррозией. Из трещины толщиной с палец хлестала вода, уходя прямо в грунт, в дренаж. Расчет расхода: примерно сто литров в час. За сутки они теряли две с половиной тонны питьевой воды.

Игорь вернулся на платформу, когда красный аварийный свет сменился тусклым желтоватым. Кто-то нашел

дизель-генератор и запустил штатное освещение. Станция «Свобода» предстала во всей своей ужасающей красе.

Это был Ноев ковчег, набитый крысами. Люди разделились на касты. У края платформы, заняв лучшие места — сухие, подальше от вентиляционных решеток, откуда тянуло холодом из тоннелей, — расположились «местные». Те, кто работал на станции: обходчики, слесари, полицейские из отдела метрополитена. Они уже успели организовать оборону из перевернутых лотков «Печать» и колючей проволоки, смотанной где-то в технических помещениях.

В центре, прямо на путях, где бетон был чище, разбили лагерь «беженцы» — те, кто спустился в панике. Они сидели семьями, прижимая к себе узлы с вещами, которые спасли из горящих квартир. Среди них уже шныряли темные личности. Соня видела, как у женщины с ребенком отобрали сумку с детским питанием. Двое парней в спортивных костюмах просто подошли, один приставил к горлу женщины заточку, а второй забрал пакеты. Женщина заплакала, прижимая к себе младенца, но кричать не посмела.

— Эй, док! — окликнул ее Хмурый. Он сидел на ящике, разбирая автомат. — Там в южном тоннеле опять орут. Иди разберись. — Я не могу разбирать конфликты, — устало ответила Соня. — Я могу только штопать дыры. — А придется, — Хмурый клацнул затвором. — Майор сказал, ты теперь в штате. Медслужба. А медслужба подчиняется коменданту.

Игорь подошел к ним бесшумно. — Комендант — это вы?

— спросил он Хмурого. — Майор — комендант. Я — начальник службы безопасности, — с нажимом произнес Хмурый. — Безопасности? — Игорь усмехнулся. — Вижу, как вы обеспечиваете безопасность. Вентиляция забилась, вода уходит в трубу, на платформе грабежи.

Хмурый вскочил. В его руке мгновенно оказался пистолет. — Ты на кого тянешь, очкарик? Игорь даже не моргнул. Он сделал шаг вперед, входя в личное пространство Хмурого. — Опусти ствол, — тихо сказал Игорь. — Если ты выстрелишь здесь, пуля может срикошетить от свода. Пробить кабель высокого напряжения. Свет погаснет. Начнется давка. Твои люди затопчут друг друга. Твоя власть закончится через три секунды после вспышки. Опустит. Оружие.

Хмурый побелел. Он был убийцей, он привык решать вопросы силой, но он не привык, чтобы с ним разговаривали на языке причинно-следственных связей. Он не понимал, как работает этот мир, где угроза смерти математически обоснована. Пистолет дрогнул и опустился.

— Док, — Игорь повернулся к Соне. Его голос снова стал мягким, почти заботливым. — Иди в северный тоннель. Там, где дренажная камера, есть ниша. Перегороди ее коробками. Это будет лазарет. Никто не имеет права заходить туда без твоего разрешения. Даже Майор. Я поговорю с ним. — А вы? — А я буду считать, — он кивнул на толпу. — У нас проблема.

Ночь наступила для них, когда выключили резервное

освещение, чтобы сэкономить дизель. Станция погрузилась в багровую полутьму аварийных плафонов. Соня сидела в своей нише. Она переделала ее, отгородив угол списанными рекламными щитами. Внутри пахло хлоркой — Игорь где-то нашел ведро и порошок — и смертью. Она не спала. Она слушала. Станция не спала. Она жила своей жуткой ночной жизнью.

Плакали дети. Кричал мужчина в дальнем конце платформы, которого ломала лучевая болезнь — его кожа уже начала покрываться красными пятнами. Никто к нему не подходил. Где-то в тоннелях, в перегонах, что-то скреблось. Металл о бетон. Возможно, деформация конструкций от температуры наверху. Возможно, крысы размером с собаку, которые всегда жили в подземельях.

К Соне подсел Игорь. Он принес две банки тушенки и бутылку воды. — Ешь, — он протянул ей открывашку. — Я не могу. — Ешь, — повторил он без угрозы, но с такой непреклонностью, что Соня взяла банку. Тушенка была холодной, безвкусной, но желудок, вспомнив, что такое еда, свело спазмом.

— Сколько? — спросила она, облизывая ложку. — Что «сколько»? — Сколько мы продержимся? Игорь посмотрел вверх, на бетонный купол станции. — Если ничего не изменится — двадцать два дня. Это если урезать пайки до восьмисот калорий и пить по кружке воды в день. — А вентиляция? — Фильтры сдохнут через сорок восемь часов. После

этого мы сможем открывать гермодвери только в костюмах химзащиты, которых у нас три штуки на пятьсот человек. — Мы все умрем, — констатировала Соня. — Все умирают, — пожал плечами Игорь. — Вопрос в сроках и условиях. Наверху смерть была быстрой. Или от жара в пять тысяч градусов, или от ударной волны. Здесь она будет медленной. От жажды. От радиации. От ножа Хмурого за банку тушенки.

— Зачем вы мне помогаете? — вдруг спросила Соня. — Вытащили из толпы, лечите, кормите. Вы же меня не знаете. Игорь долго молчал. Он смотрел на багровый свет плафона, и тени плясали на его изможденном лице. — Потому что ты единственный человек на этой станции, который не сошел с ума, — сказал он. — Майор держится на остатках устава. Хмурый — на инстинктах хищника. Остальные — на страхе. А ты... ты просто делаешь свою работу. В мире, где работа закончилась, это единственная константа. Мне нужен хотя бы один константный элемент в уравнении, Соня. Иначе я тоже сойду с ума.

Он поднялся. — Я попробую пройти по кабелю до соседней станции. «Тверская». Если гермодвери там выдержали, там могут быть склады. — Это самоубийство. В тоннелях радиация. — Радиация в тоннелях открытого типа. А здесь кабельный коллектор. Герметичный короб. Риск приемлемый. Потеря одного инженера — это минус два процента эффективности. Потеря надежды на внешние ресурсы — это минус сто процентов выживаемости группы.

Он ушел в темноту служебного ходка. Соня осталась одна. Она допила воду, свернулась калачиком на картонке, пахнувшей типографской краской, и закрыла глаза. Сон не шел. Внезапно станция вздрогнула. Это был не взрыв. Это был глухой, тяжелый удар, пришедший откуда-то снизу, из самых недр земли. С потолка посыпалась крошка. Где-то в толпе истерически завывала женщина. Игорь говорил о деформации конструкций. Земля наверху остывала. И она трескалась.

Соня подтянула колени к груди. Впервые за весь день она позволила себе заплакать. Тихо, беззвучно, вжимаясь лицом в рукав, чтобы никто в багровой полутьме не увидел слабость терапевта, на котором теперь держались жизни двенадцати обожженных людей. Она плакала не от страха смерти. Она плакала от понимания, что ад только начинается, и в этом аду нет ангелов. Есть только инженеры, считающие литры воды, и врачи, моющие гной водкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.